

Ча И Сок вышел из машины и направился в магазин. Миновал ряд стеклянных витрин, на которых переливались разнообразные украшения. Управляющая магазином, с безупречной причёской, разговаривала с покупательницей. Она перенаправила её к консультанту и подошла. Ковёр, уложенный по центру, приглушал звуки шагов.

- Мы вас ждали, господин исполнительный директор, - с улыбкой поприветствовала она. - Прошу сюда...

Управляющая проводила Ча И Сока в затемнённую комнату за тяжёлым занавесом. Затем зашла в соседнюю и вынесла небольшой ларец. Когда она открыла его, внутри оказалась лишь фотография.

- Мастер сказал, на изготовление уйдёт около месяца, и пока прислал снимок, - пояснила она.
- За тридцать лет работы это первый подобный заказ. Дизайнер, признаться, был в замешательстве. Но просил передать господину исполнительному директору слова благодарности за столь... необычный проект.

Ча И Сок, скрестив руки на груди, прислонился к стене. Тем временем управляющая повернула изображение под нужным углом и начала рассказывать об уникальности «этого».

- Обратите внимание... Лицевая часть выполнена из кожи высшего качества. В центре и по краю инкрустировано около 30 бриллиантов чистоты GVVSI, а в акцентных точках - редкий александрит. При дневном свете он отликает сине-зелёным, а при искусственном он кроваво-красный. Хвост из викунии...

- Скучный дизайн.

Управляющая не смогла скрыть растерянности.

- А... Простите, можно уточнить, что именно вам не по душе? Кожа, и камни высочайшего качества, а дизайнер - итальянский мастер с мировым именем.

- Будь адресат этого подарка здесь, то уже зевал бы и рвался на выход.

Вежливая улыбка на мгновение сползла с лица женщины, но она восстановила профессиональное выражение.

- Понимаю... Насколько же высоким вкусом он обладает, если даже исполнительный директор такого мнения о нём. Жаль, что этот человек сейчас не здесь. Несомненно, он сочетает в себе ум Аристотеля и внешность Аполлона, ах-хо-хо-хо... - лукаво засмеялась она.

Ча И Сок рассмотрел фото, зажав между пальцев, и провел языком по нёбу.

Даже роскошные материалы не спасут убогий дизайн. Нужно нечто радикальное, вызывающее. Только тогда это станет достойным подарком в честь возвращения мужского достоинства.

- У него красивые губы, так что, здесь надо сделать поуже. Кожа белая с бледными сосками, поэтому тут должны быть соответствующие цвета. Длинные ноги, и эта часть тоже должна быть длинной. До пола.

- Хорошо. Да.

Лицо женщины покраснело. Она торопливо записывала комментарии в блокнот. Ча И Сок, бросиле щё пару замечаний и развернулся к выходу. Слова управляющей догнали его у двери:

- Гарантирую, в следующий раз вы и получатель останетесь довольны.

- Хотелось бы верить.

Ча И Сок облизнул пересохшие губы. Если украсить этим подарком кошку, и проглотить её, начиная с пальцев ног, это было бы ни с чем не сравнимым блаженством. Конечно, только если сама кошка даст добро. Размышляя о том, как лучше её уговорить, он сел в машину и завёл двигатель. Пальцы, сжимающие рычаг коробки передач, ныли от напряжения. Привычным жестом Ча И Сок потёр затёкшую шею.

Даже десятилетняя наркозависимость разом отступила перед ядом его пения. Но и ломка по нему была невыносимой. Иногда снились странные сны. В них голос становился осязаемым. Подростковый тембр сковывал тело как чёрная смола.

Мало того, что лишился голоса Ябы - теперь и доступ к его телу был закрыт. Прикоснуться к нему Ча И Сок мог, только нанося мазь.

Сигареты шли в расход пачками, а сон накрывал только в алкогольном угаре. Ещё немного - и он разорвёт кого-нибудь на части.

- Десять дней, - прокрипел Ча И Сок.

Секунды тянулись мучительно бесконечно. Сигарета заменила то, что нельзя было укусить по-настоящему. При одной только мысли о Ябе кожа на теле покрывалась мурашками, а в животе начинало ныть. Сдерживаемое влечение кипело внутри, требуя выхода куда угодно.

Стены в кабинете Ча И Сока были скрыты стеллажами, которые доходили до потолка. Складывалось впечатление, что книги на полках подбирали по принципу «главное, не дать

никому понять, о чём они». Только шерстяной ковёр и письменный стол нарушали монотонность этого давящего пространства. Сгорбившись на корточках, Яба усердно читал. Десять лет без учебы не прошли даром, пять минут сидения на одном месте и спина начинала протестовать.

Раньше его кусали настоящие клопы, но их место заняли типографские: буквы, а они - ещё мерзостнее. Не оставляли ран на коже, зато калечили ум: путали, злили, унижали. Те же мучения, только теперь Яба сам подносил их к глазам.

Он выпрямился и размял кулаками ноющую поясницу. Плечи и ноги затекли. Из-за опасности, которую представляли стулья и диваны, Яба стойко сопротивлялся соблазну сесть на ягодицы. Приходилось терпеть пока швы не зарастут и довольствоваться позой кренделя.

Один, два, три... За два часа Ча И Сок трижды выходил, каждый раз принося с собой запах сигарет. Перед Ябой он их даже не доставал. Скорее всего боялся, что канцерогены в табачном дыму просочатся через ткань брюк и доберутся до мошонки. Но больше всего беспокоило то, как сильно Ча И Сок закурил.

Яба пошёл на звук клацающей клавиатуры. Вытянувшись во весь рост, Ча И Сок лежал на животе перед ноутбуком. На документах стояла чашка. Уровень остывшего кофе в ней не уменьшился. Яба дважды менял его на горячий, но Ча И Сок, похоже, даже не заметил. Его взгляд не отрывался от экрана. Стоило ему сесть за работу и ничто уже не могло сбить его концентрацию. Он был полностью поглощён тем, что видел на экране, словно смотрел порно, но на самом деле директор Ча строил хитроумные схемы для атаки на «Тэ Рён». Ча И Сок никогда не брался за документы до захода солнца, и то, что он изучает финансовые отчёты в такой час говорило о серьёзных проблемах в компании.

Погружаясь в работу, Ча И Сок неосознанно сбрасывал маску. Именно тогда, когда дрожь от азарта, он строил интриги против «Тэ Рён», обнажалась его истинная и искренняя натура. В такие редкие минуты, он будто становился беззащитным, и наблюдать за ним Ябе нравилось, но в то же время это пугало.

Яба искоса взглянул на этого расчётливого вредителя. Длинные пальцы бегали по чёрной клавиатуре. Они словно были созданы, чтобы перебирать элегантные клавиши пианино. Или неторопливо блуждать по белой коже бёдер...

Но пальцы, которые могли сжимать стакан с виски или втирать в десны белый порошок, хранили секрет - маленькую мозоль на среднем пальце правой руки. Эта метка с внутренней стороны была совершенно незаметна, если не присмотреться вблизи. Яба знал: стоит только узнать историю этой мозоли, так тщательно скрываемой за бокалами с алкоголем и кубиками льда, увидеть бесчисленные пометки на страницах книг в кабинете, и имитация распущенной жизни Ча И Сока падёт, как ширма.

Потому любимым местом Ябы на теле Ча И Сока были не губы, не благородный нос, не рельефы мышц и даже не длинные ноги, а та самая мозоль. В порыве страсти, он прикусывал

её клыками, ощущая странную гордость: словно поглощает частицу прошлого Ча И Сока.

Как Яба позволял Ча И Соку впиваться зубами в самые неожиданные места, на которые только способна фантазия, так и Ча И Сок не реагировал на странные пристрастия Ябы. Его губы приоткрылись.

- Когда ты так смотришь, я не могу сосредоточиться, - услышал он голос Ча И Сока.

Вероятно, Яба совсем забылся, наблюдая за директором Ча. Слова повисли в воздухе, и лишь спустя мгновение до Ябы дошёл их смысл. Он отвёл взгляд от рук Ча И Сока. Чёрные зрачки, до этого прикованные к экрану, медленно обратились в сторону юноши.

«Не могу сосредоточиться», - повторило немое эхо.

Яба опустил голову, его шея покраснела оттого, что его застучали подглядывающим. Ча И Сок опёрся на локти, рассматривая учебники в руках у Ябы.

- Все задания выполнил?

На уголке обложки появились каракули:

[Некоторые не смог]

На деле «некоторые» составляли бóльшую часть. Яба их терпеть не мог, а особенно упражнения по английскому и математике.

[Нелепо. Где может пригодиться развертка геометрического тела?! И зачем мне чужой язык, когда есть дела поважнее? Хватит с меня корейской грамматики и основ этики]

В словесных перепалках Яба не знал поражений. Считая себя почти что просветлённым, как минимум в вопросах морали он чувствовал своё превосходство. Ча И Сок задумчиво уставился на чертёж в учебнике.

- Это проще, чем ты думаешь. Чтобы разобраться, лучше один раз сделать самому.

Ча И Сок вытащил из-под себя лист бумаги и дал Ябе. Тот перевёл на него развертку из учебника, аккуратно вырезал и начал складывать. Ча И Сок молча наблюдал. После нескольких попыток бумага наконец приняла форму призмы. Кивнув, Яба обвёл правильный ответ. Горделиво подняв голову, он встретил взгляд из-под полуприкрытых век.

- Я думал ты будешь отвлекаться, бросать трудные задания и упрямиться. Но, надо же! Ты

меня удивил.

[Чем?] - написал Яба на уголке листа.

- Ты быстро схватываешь.

Яба пробовал смотреть видеоуроки, но Ча И Сок объяснял в тысячу раз лучше, чем лектор, бубнящий сам себе. Ча И Сок никогда не смеялся над ошибками Ябы, даже самыми вопиющими. Терпеливо выслушивал все возмущения, но неизменно приводил его к правильному ответу. Благодаря такому подходу, Яба запоминал каждую тему намертво. Ирония в том, что лучшим учителем стал человек, который обычно сбивал его с мысли.

- Награда, - объявил Ча И Сок, смыкая челюсти на подбородке Ябы. Тот вздрогнул. Система поощрений и наказаний часто сбоила: похвала оборачивалась пыткой, а наказание - чем-то приятным.

Если Яба ошибался и протягивал ладони, тот принимался яростно ласкать его соски. А когда верно решал задачу и облизывал губы в предвкушении поощрения, то получал бессонную ночь. После таких ночных игрищ, он опаздывал с домашкой, и Ча И Сок снова находил повод для придинок.

Потирая покусанную кожу, Яба начеркал внизу страницы.

[Ты тоже неплох. Если бы не лотерейная система поощрений и наказаний, и твой сомнительный подход к обучению]

Ча И Сок прочитал записку и приподнял бровь.

[В средней школе мне многое нравилось делать, у меня в голове была куча планов. Но когда я попал в клуб, там поселились жуки]

Десять лет назад, Ча И Сок, должно быть, только поступил в университет.

[В то время кем ты хотел стать?]

- Никем. Я постоянно выпивал и был под кайфом. Больше ничего не хотел.

И потом небрежно добавил:

- Видимо, взамен потери, вы заводите жуков.

Слово «вы» задело Ябу. Он уставился на Ча И Сока, но тот отмахнулся:

- Моя сестра, к примеру, после смерти жениха завела себе жуков, и жила с ними, как с мужем.

Иногда вот так, мимоходом Ча И Сок открывал кусочек своей жизни. Его рассказы были мрачными, но странно насыщали, давая то, чего давно не хватало. Яба понемногу собирал эти обронённые слова, изучал их, словно личные вещи в потайной комнате Синей Бороды, вход в которую был в правой подмышке Ябы. Ча И Сок и не догадывался о странной коллекции, которая там хранится. Жажда подробностей этой истории, Яба снова написал:

[Когда твоя сестра умирала на холоде, чем ты занимался?]

Ча И Сок нежно взлохматил волосы Ябы.

- Только у тебя хватает наглости такое спрашивать.

[Ну, расскажи]

Глаза Ябы заблестели - он не отступит. Сердце забило быстрее.

Его матери уже не было, когда Яба истязал найденную в спальке ящерицу. Всё ради одобрения Хён Ука. Ябу до сих тошнило от воспоминаний. Он терпеливо ждал ответа, но Ча И Сок молчал. Нервы натянулись. Яба решил сменить тактику.

[Ты видел насекомых своей сестры? Ты отлавливал их?]

Ча И Сок наморщил лоб, вспоминая что-то.

- Не было никаких насекомых. Она просто сошла с ума, и создавала иллюзии сама себе.

Его голос звучал бесстрастно, без малейшего намёка на тепло или сожаление. С трудом верилось, что этот человек так старательно вылавливал паразитов Ябы. Но в этом был весь Ча И Сок, без чётких принципов, без логики. Может, его цель захватить «Тэ Рён» - вовсе не месть председателю за погибших сестёр, а просто инстинкты хищника разорвать добычу, которая сама напрашивается на смерть?

Яба написал на бумаге:

[Ын Ён - имя моей мамы]

Взгляд Ча И Сока скользнул по надписи.

[Но папа и соседи называли её шалавой. А папу - выродком. Брат был недоноском, а я - младшим недоноском. В нашей семье никого не звали по именам]

Но теперь один отпетый наркоман называл Ябу мотыльком.

[Я не считал маму шалавой. Она много ожидала от отца, а он ненавидел своё бессилие. Се Джун с рождения видел только побои, поэтому отвернулся от мира. Твоя сестра не сошла с ума. Только так она могла выразить свою боль]

[Понимаю. У того, кто не знал отцовской любви, есть свои причины насмеяться над старшей сестрой, которая потеряв близкого человека, в отчаянии выбежала на мороз]

Ча И Сок равнодушно смотрел на писанину Ябы. Внезапно по волосам скользнула большая ладонь.

- Встреть я тебя чуть раньше... изменилось бы что-нибудь?

Яба посмотрел в его холодные глаза.

Имея всё, что только можно, он смотрел на мир взглядом нищего принца. Это никогда не сотрётся из памяти.

Понемногу подростковое тело Ябы и его повзрослевшее сознание приходили в баланс. Но, сможет ли Ча И Сок, чьё материально состояние и душевное всегда пребывали в разладе, найти равновесие?

Пережив смерть матери Яба, отдался жестокости, вспарывал брюхо ящерицы и отрывал ей гениталии. Так, может, и директор Ча, после того, как замёрзла его сестра, отрывал половые органы существ, слабее себя, и лишал их будущего. Развлекаясь в раю, который для других стал адом?..

- Ну, а ты, - произнёс вдруг Ча И Сок. - похоже, сумеешь понять и принять старшего брата, который когда-то от тебя отвернулся. У каждого ведь свои причины... Хм?

Яба застыл не отводя глаз от руки Ча И Сока. Тот грубо сжал его подбородок и запрокинул лицо.

- Хотелось бы знать твои мысли на этот счёт. Или это «особая философия»?

Испытующий взгляд, словно на ощупь проникал внутрь. Яба резко стряхнул руку, сжимавшую его подбородок. Он перелистнул учебник, потом, зажав ручку в зубах, разорвал сложенную из бумаги фигуру. Потом ткнул в первую попавшуюся задачу из учебника.

[Эту не понимаю]

В левой подмышке Яба хранил всё, что извлёк из пустой мошонки, там же хранились воспоминания из Нангоктона. Тот мир и мир Ча И Сока ни в коем случае не должны пересекаться. Иначе всё разрушится.

Уголки губ Ча И Сока изогнулись в ядовитой улыбке:

- Я же говорю, быстро схватываешь.

* * *

Они приехали в клинику для лечения запястья Ча И Сока. После этого отправились к хирургу Ябы. Увидев знакомую сухопарую фигуру, Яба вспомнил о его с Ча И Соком сговоре и враждебно сузил глаза. Врач неловко улыбнулся и проводил их в процедурную комнату. Под наблюдением Ча И Сока Ябе обработали швы и сделали УЗИ - снимки. Рассматривая непонятное изображение доктор не переставал нахваливать результат:

- Отлично! За свою практику, ещё не видел такого идеального заживления.

Он продолжал восхищаться: как прекрасно расположились яички, какой удачный размер. Поток комплиментов не иссякал. Это не удивляло. Ведь, Яба берёт свои яйца как реликвию, отгоняя от них Ча И Сока и строго следуя предписаниям.

Ябу ждал сюрприз:

- Всё настолько хорошо, что можно не дожидаться конца недели и снять швы.

Яба вскинул голову. Он едва не подпрыгнул от радости. На серьёзном лице Ча И Сока промелькнуло возбуждение.

Яба перебрал в мыслях все возможные последствия и осложнения. Однако доктор, этот спаситель мужского достоинства, обстоятельно всё разъяснил и тревоги Ябы отступили.

- Обработывайте регулярно. Избегайте лежать на животе, эта создаст давление в области таза. По возможности, когда садитесь, используйте ортопедическую подушку.

Яба усердно кивал и записывал всё в телефон. Вдруг он почувствовала покалывание в затылке и обернулся. Ча И Сок, оперевшись о стол, не сводил с него взгляда, который был таким же вызывающим, как и поза.

«Что?» – одними губами спросил Яба.

– Да вот, думаю, как одно и то же событие может вызвать такую разную реакцию, – произнёс директор Ча, глянув на врача. – Быстро же ты смягчился к кое-кому в этом кабинете, а мне пришлось три дня подряд стоять на коленях и просить прощения.

[Не любишь стоять на коленях, так учись на врача]

Ча И Сок глубоко ошибается, если решил, что Яба смирился с размером. Глаза директора Ча сверкнули и на губах заиграла сальная ухмылка.

После осмотра двое вышли в коридор.

– Поужинаем где-нибудь?

В последнее время Ча И Сок напоминал ненасытного морского чёрта – сколько ни корми, всё мало. Яба погрузился в тяжкие раздумья.

Есть в ресторане? Тьфу. Платить деньги за бурду с глутаматом? Ябу тошнило от одной мысли, что повар, причмокивая, суёт облизанную ложку обратно в суп. А эти кухни! Кто знает, моют ли там пол чаще раза в год? Дезинфицируют ли фартуки? А посудомойки, те вообще руки моют? Хозяйева заведений лишь делают вид, что следят за чистотой, ведь если докапываться, все посудомойки разбегутся. Вот гостям и приходится кормиться последствиями всей этой халатности.

Чтобы сэкономить на персонале, они готовят из просрочки. А о ремонте вообще думать забыли. Ветхую стену прогрызёт любая чумная крыса. Будет шнырять по кухне и сорвётся в чан с супом. Её найдут только когда наполнят последнюю тарелку. Если ты съел этот суп, то тебя ждет поездка в машине неотложки. Она встанет в пробке, и ты окочуришься прямо посреди дороги. За это время хозяин ресторана уничтожит все улики, и о возмездии не стоит и мечтать. Уж лучше скромный рамён дома, чем сдохнуть от чумы на дороге. Даже если после ресторана ты благополучно доберёшься домой, не стоит давать себе ложную надежду. Пройдёт инкубационный период, и тебя всё равно настигнет тот же конец. И вот, ты уже изучаешь технологию производства этих самых лапшичных брикетов.

Ча И Сок, прислонившись плечом к стене, терпеливо ждал. Его взгляд был по-прежнему голодным. Видя это выражение лица, Яба не мог отказать. Он повертел стилус, собираясь написать, что пойдёт только туда, где открытая кухня.

– Пси-и-их!

Кто-то с громким криком бросился на Ябу, сбив его с ног, но Ча И Сок успел подхватить его, не дав упасть. Теперь он оказалась зажат между ним и незнакомцем. В поле зрения появилось

лицо рыдающего Морфина.

- Псих! Как... как ты здесь? Ты же погиб в аварии?

Он тыкал пальцами в лицо Ябы и так кричал, что, казалось дрожали стены.

- Ты правда живой? Да?..

Поодаль Героин и Мет застыли, будто увидели призрака. Через секунду они рванули к Ябе и окружили его.

- Псих! Мы же тебя похоронили. Кокаин всё твердил, что ты жив, но мы решили - бредит. Тогда чьё тело у нас было? Неужели босс закатил тот спектакль из-за чужого трупа? Как ты мог не сообщить нам, что жив? Пси-и-и-их!

Морфин, как и раньше, не давал никому и рта раскрыть. Он всхлипывал, вытирая нос об одежду Ябы. Попытка отпихнуть лицо Морфина, лишь заставила того вцепиться крепче. Ча И Сок пресек это одним движением. Морфин шлёпнулся о стену. Директор Ча загородил собой Ябу. Морфин удивлённо сглотнул, а певцы-евнухи робко отступили.

- Исполнительный директор Ча... вы тоже здесь?..

Певцы-кастраты округлили глаза. Казалось, тот факт, что с Ябой был Ча И Сок потряс их больше, чем встреча с самим Ябой, которого считали погибшим. Яба тоже не ожидал увидеть их в урологической клинике. Хотя, если подумать, это место - самое подходящее для такого воссоединения.

Ещё недавно он разделял с ними гнев и отчаяние, шатаясь по уборным, но теперь всё иначе. Ему больше не нужно прятаться. Он мог войти даже в элитную мужскую баню, если захочет. Между Ябой и этим "хором скопцов" пролегла пропасть. И теперь он особенно обострённо ощущал этот запах... Вонь их безнадёжности.

Яба брезгливо отряхнулся и протянул телефон с текстом.

[Если это всё, дайте пройти]

- Да, чтоб тебя! - воскликнул Морфин прочитав написанное. - Я так рад, что ты жив, не представляешь! Ну ты всё такой же! Такой же...

Морфин снова зарыдал и кинулся обнимать Ябу. Но через секунду его снова отбросили на пол.

- Слушай, ты же не в курсе про Кокаина. У него сейчас полный пиздец. Впадает в истерики без конца, Гашиш с ним совсем замучился. А ты чего молчишь? Не хочешь с нами общаться? Выпускай уже свой ядовитый язык!

[Не могу говорить. Простудился]

Морфин и певцы мгновенно отпрянули.

- Что ж ты сразу не сказал! Ты же всех нас угробишь!

Для тех, кто зарабатывает голосом, простуда представляла серьёзную опасность. Зажав нос и рот, Морфин прогундосил:

- Кстати, ты знаешь про босса, эта мразь наконец подохла. Помнишь инцидент в Нангоктоне? Его там так ушатали, просто жуть. Я в календаре отметил эту дату. Теперь будем праздновать ежегодно!

- Верно, не видеть этот момент самое большое сожаление в жизни. - Даже робкий и мягкосердечный Мет сиял от радости.

Яба пытался понять смысл услышанного. Видя отсутствие реакции, Героин нахмурился:

- Ты, правда, не знал? В Нангоктоне погибла целая толпа людей. И настолько страшно, что на трупы смотреть было противно.

Голос Героина стал рассеиваться. В левой подмышке заныло. Призрачные сцены из кошмаров Ябы, постепенно обрастали плотью, язык стал свинцовым. Чьи-то ладони зажали его уши, отгородив от мира. Спинай он ощутил тепло чужого тела и вздрогнул. Над головой прозвучал низкий голос.

- Вы закончили со своими делами?

По остекленевшим глазам Морфина, Яба понял, какое выражение лица сейчас у стоящего позади него человека. Морфин, почувствовав опасность, тут же завёл речь на другую тему.

- Ну, не знал и ладно! Псих, ты пришёл сюда из-за операции? Мы тоже. Хотим узнать стоимость. Говорят, тут лучшие специалисты. Денег, конечно, пока нет... Эх, если бы не сучий босс. Обчищал нас до нитки. Может, поболтаем немного? Или ты спешишь?

Ябе было лень писать объяснения, и его накрывал страх: а, вдруг их ущербность заразна?

Слегка кружилась голова. Хотелось только одного – оказаться дома, в стенах, которые защитят от шума.

Ча И Сок отвёл Ябу подальше от бывших коллег. И тихо сказал:

- Поужинаем в другой раз.

Яба слабо кивнул. Грудь, прижатая к спине, и руки, обхватившие его плечи стали опорой, которая помогла справиться с головокружением. Да, ужин сорвался, но теперь Яба не умрёт от чумы неизвестно где.

После неловкой встречи в больнице они направились на улицу. Морфин бежал следом до самого выхода и выклянчил у Ябы номер телефона. Получив обещание обязательно связаться, Морфин наконец отстал.

В машине было тихо, несмотря на уличный шум. Ча И Сок молча смотрел на автомобили, застрявшие в пробке. Яба вжался в сиденье, царапая телефон в кармане. Наконец он достал его и написал:

[У тебя с собой много денег?]

- На еду хватит. А что, сомневаешься?

Ча И Сок вопросительно поднял бровь. Стилус мигал в режиме ожидания.

[Просто.]

Яба опустил голову. Ча И Сок задержал на нём взгляд и снова повернулся к дороге. Яба протянул телефон:

[Всё-таки давай в ресторан]

Ча И Сок, да и он сам явно были не в настроении готовить ужин дома.

В итоге, они остановились у ближайшего французского ресторана. Их провели в отдельный зал, настолько просторный, всех посетители разом могли там уместиться.

Интерьер кричал своим пафосом: «Смотри, сколько на него потрачено!»

Отполированные поверхности резали глаз блеском глянца. Казалось, оставь отпечаток пальца на столе, и его тут же прибегут вытирать. И тебя вместе с ним.

Ча И Сок сел за длинный стол. Яба нацелился занять место напротив, но тот резко потянул его за запястье, заставив опуститься рядом.

Ябе вдруг пришла в голову мысль: а кого ещё Ча И Сок приводил в этот ресторан? Его привычка нарушать личные границы, снова разожгла навязчивые догадки. Яба попытался встать, но И Сок настоял на своём и усадил его у себя под боком.

Вошёл официант и Ча И Сок заказал блюда с непроизносимыми названиями, а затем попросил принести подушки. Официант вернулся с подушками. Он положил одну на другую и аккуратно поместил под Ябу. Вскоре прикатили тележку с блюдами. А позже подали улиток. Двухзубой вилкой Ча И Сок извлёк тельце улитки из раковины и протянул Ябе. Тот прожевал кусочек.

- Ну как тебе?

[На вкус как сопля], - выразил впечатления Яба.

Ча И Сок громко рассмеялся. Яба скривился, чувствуя, как расплющенный моллюск прилипает к нёбу. Ча И Сок поднёс салфетку прямо к нему под подбородок, и он выплюнул комок на ткань.

Яба не понимал этих гурманов, которые выкладывали огромные деньги, чтобы поесть улиток. В «Парадизо» каждый раз когда бандиты, придя поужинать, злили персонал, те плевали в их излюбленные акульки плавники, прежде чем подать на стол. Возможно, Ча И Сок тоже не раз вкушал этого «специального» ингредиента.

Он отодвинул в сторону тарелку с улитками и вместо этого поставил перед Ябой салат. Потом нажал на звонок вызова официанта. Хорошо, что Ча И Сок сам всё объяснил, избавив от необходимости братья за телефон.

- По мнению моего спутника, вкус отвратительный. Принесите нормального мяса.

Через некоторое время подали мясо. Яба ждал, пока остынет суп, а Ча И Сок аккуратно нарезал слабой прожарки мясо. Его движения были грациозны с любым столовым прибором. Яба заворуженно наблюдал, когда тишину нарушил голос:

- Может тебе сначала получить водительские права?

Яба взял со стола телефон:

[Нет. У Южной Кореи первое место в мире по смертям в ДТП. Предлагаешь присоединиться к статистике?]

Кастрированные певцы не имели ни удостоверений личности, ни водительской лицензии. Кан Ги Ха лишил их не только мужского достоинства, но и базовых гражданских прав. Они не могли голосовать, арендовать жильё, и тем более сесть за руль. Давным -давно они похоронили мечты возить своих детей на пикник...

- Тогда, есть ли другие мысли? - спросил Ча И Сок. - Чем хотелось бы заниматься? Или кем стать?

[Обязательно ли «кем-то» становиться? Однажды проснусь и обнаружу, что жизнь уже превратила меня в «кого-то»]

Прежде ему не задавали таких вопросов. Никто не интересовался, есть ли у него мечты или стремления. Да он и сам не забивал себе голову. Теперь же, став немым, он неожиданно обрёл новую цель. Он открыл было рот, но тут же опомнился.

Казалось бы - чего проще, просто заговорить. Но каждый раз, когда он пытался произнести хоть слово, в горле вспыхивала раздирающая боль. Поэтому у Ябы появился защитный рефлекс: его горло и губы сжимались раньше, чем успевал родиться звук.

Подумав, Яба всё же протянул телефон:

[Хочу заработать денег]

- Денег? Зачем?

«Какой бессмысленный вопрос», - яснее слов сказал взгляд Ябы.

[С ними лучше, чем без них. Можно покупать, что хочется, на свои. Откладывать на жизнь]

...Иногда дарить подарки Ча И Соку и покупать что-нибудь вкусное.

«Если бы у меня был голос... И способность исцелять... Тогда, возможно, я мог бы без стыда принимать деньги, которые он даёт».

Имя Ча И Сока значилось в графе «опекун» на согласии Ябы на операцию.

Опекун.

Яба осознавал, какую одностороннюю жертву влечёт за собой это слово. И знал, если годами носить этот ярлык, рано или поздно наступит момент, когда станет нечем дышать.

День, когда Ча И Сок вычеркнет своё имя из графы «опекун», неизбежен и Яба должен быть подготовленным. Именно поэтому он уже сейчас постепенно копил свой запас. Если бы Ча И Сок узнал, каким предусмотрительным Яба стал, то сильно удивился бы.

Аквариум в одной из стен, отбрасывал блики. Среди водорослей сновали рыбы. Разглядывая их, Яба повернул экран телефона:

[И я должен вернуть деньги за операцию]

Всё остальное – как получится, но за операцию Яба заплатит обязательно. Он и раньше имел кое-какие сбережения. Если бы Председатель Ча не сжёг общежитие, Яба сделал бы операцию сам. Скоро у него будут документы, и найти работу не составит проблем.

Он опустил глаза, воткнул нож в круглый кусок мяса, затем вонзил вилку под прямым углом и начал с усилием раздирать мясо на более мелкие куски.

- А что потом?

Ки-и-и-ик.

Скрежет металла по фарфору пробрал до позвоночника. Кровавый сок растёкся по тарелке. Вязкий как дёготь взгляд медленно обтекал шею Ябы. Ответ последовал без колебаний:

[Куплю индульгенцию]

И добавил:

[Я сделал много плохого. Если меня ждёт Ад, то лучше подстраховаться]

Напряжение в глазах Ча И Сока внезапно растаяло, будто ложная тревога. С губ сорвался тихий выдох.

- Если остаток жизни прожить честно, то это не понадобится.

«О, гениальный совет, – едва не закашлялся Яба, – а главное, от кого! От того, кто сам давно сгорел бы в аду, если бы ад рискнул его принять. Я и так живу честно. Попробуй-ка соответствовать этим «божественным» стандартам – позвоночник треснет».

[Ты себя слышишь? Как можно, заработать деньги, живя честно?]

- Зато в ад не попадёшь, и деньги не нужны, чтобы от него отмазаться.

[Честность счёт не пополнит и грехи не спишет]

- Вот поэтому добродетель и важна.

[...Без денег?]

Ча И Сок облокотился о стол, подперев подбородок, и уставился на Ябу. От его взгляда спина покрылась гусиной кожей. Он стиснул зубы.

«Сейчас это змей начнёт искать брешь в его защите и вынюхивать слабости...»

Но Ча И Сок вдруг глухо рассмеялся, уткнувшись лбом в рукав. А потом предложил ещё мяса. Яба жевал, ковыряя кожаное сиденье стула. Измученная поверхность покрылась бугорками.

- Похоже, певцы всё ещё там работают, - сказал безразлично Ча И Сок. Но за этим последовала леденящая пауза. Если Синяя борода узнает про комнату... Надо потянуть время.

[Значит настоящий владелец ещё не закрыл клуб]

- У «Парадизо» другой владелец?

Яба кивнул. Нечитаемый взгляд был направлен прямо на него.

- Ты знаешь, кто он?

Синяя Борода сейчас расставляет ловушку? Заметил ли он следы крови на связке ключей? Правая подмышка заныла. Яба прижал руку к боку и продолжил выводить буквы дрожащим электронным пером:

[Даже Ги Ха не знал его имени. А я - тем более]

- Не думал, что у клуба другой хозяин.

[Инвестор, который давал деньги Ги Ха, что бы он ловил детей, кастрировал и вживлял им чипы.]

Ча И Сок молча смотрел на экран. Кончики пальцев Ябы похолодели. Если бы Ча И Сок не организовал ту аварию и не сделал его «умершим», Яба до сих пор ходил бы с чипом в голове или лишился бы её, идя по улице. Кан Ги Ха говорил, что был ещё кто-то третий, давший им совет чипировать детей. Ги Ха, владелец и этот «советник» были словно три головы одного монстра. Они могут сочинять про разные глаза и характер, но для всех остальных они

одинаковые.

Яба стёр написанное ранее и вывел новые слова. Электронное перо оставило на поверхности экрана след. Ча И Сок лишь слегка двинул зрачками, бросив взгляд на дисплей.

[И владелец, и Ги Ха и тот, кто предложил чипы - все они одно дерьмо]

Губы директора Ча напряглись. Но Яба не останавливался:

[Ты же сегодня видел, насколько они жалкие. Клуб закрывается, а у них ни особого таланта, ни документов. Они могли бы продавать своё тело, но и это вряд ли, с таким увечьем. В их возрасте они даже машину водить не умеют. Владелец прекрасно об этом знает. Поэтому он - конченная мразь.]

Ча И Сок сохранял странное, невозмутимое выражение лица — ни улыбки, ни тени раздражения.

- Точно, просто мразь... - пробубнил он.

Яба уставился на него пустыми глазами.

[Ты богатый?]

В ответ - только молчание.

Ча И Сок опустил нож и придвинул к Ябе тарелку с мелко нарезанными кусочками мяса. Яба некоторое время молча смотрел на него, потом с жадностью за него принялся.

Движения Ча И Сока стали неестественными, или просто показалось?

Из-за бесчисленных неоновых вывесок улица светилась ярче чем днём. Её отражение застыло в лужах как портал в зазеркалье.

В этот час дороги парализовало автомобильной толчеей. Загорелся зелёный сигнал светофора. Ча И Сок дёрнул рычаг коробки передач и вдруг его рука застыла, вцепившись в рукоять. Яба начал её растирать и аккуратно массировать. Для того чтобы онемение прошло требовалось время.

За его жизнь Яба отдал всё, что у него было. И он действительно об этом не жалел.

Но в такие моменты, когда он вместо голоса давал ему лекарства и мази, сердце сжималось.

«Эх, хорошо было бы вживлять голос, как импланты», – мелькнуло в голове Ябы.

- Не надумывай. После массажа сразу пройдёт.

Ча И Сок резко остановил стремительно несущиеся мысли. Он цокнул языком и медленно поворачивал суставом. Яба массировал фаланги каждого пальца Ча И Сока, растирал и сжимал. Шрам охватывал запястье как браслет. Именно в этом месте кисть директора Ча оказалась почти отрезана секатором Чжан Се Джуна. Нервы были повреждены, из-за этого время от времени рука немела.

Но Се Джуна помнила не только рука. Рубцы были на теле повсюду. На шее, плечах, под челюстью... Дорогой костюм скрывал много следов, оставленных братом Ябы. Он навсегда занял часть прошлого Ча И Сока, как мозоль на его среднем пальце.

Яба так усердно делал массаж, что онемение наконец прошло. Ча И Сок вдруг положил на рычаг руку юноши и накрыл своей, сплетаясь с ним пальцами. Потянул на себя и рука Ябы подалась вместе с ним.

Люди одевались уже по-весеннему, но души их всё ещё не могли выбраться из зимы. На каждом тёмном повороте шатались пьяные компании, они обнимались и рыдали в голос. Размытые огни, текущие тени – город выглядел, как грубый набросок ночной жизни. За стеклом ничего не изменилось. Изменился сам Яба. Он смотрел на мужчину, с такой же тёмной душой, как и ночной город. Свет встречных фар скользил по лицу исчезая в чёрных зрачках. Он и был воплощением этой ночной жизни. Как неоновая вывеска, его яркость менялась в зависимости от освещения.

- Если бы не «Парадизо», мы, возможно, никогда не встретились бы. – произнёс директор Ча.

Яба пытался разглядеть его профиль.

Голос смешался с шумом пронесшейся мимо машины:

- Но как ни крути, и у этого маршрута есть конец.

Его глаза странно блестели, но в темноте Яба не мог разглядеть лица.

<http://bllate.org/book/14585/1293842>